

Пора нам в оперу и в школу

Имперский Русский балет, вернувшись в Москву к традиционным осенним гастролям, готовится к выступлениям в Зале Чайковского — на одной из самых престижных и не часто посещаемых труппой столичных концертных площадок.

Но мысли худрука Имперского балета Едимины ТАРАНДЫ заняты не только предстоящими выступлениями...

— Прошла информация о том, что вы начали набор в школу при Имперском Русском балете. Это будет та самая академия искусства, о создании которой так много и упорно говорилось еще несколько лет назад?

— Нет. Пока я набираю просто хореографическую студию. Дело в том, что я все привык делать постепенно. Студия — первый шаг. В ней будет проверяться состав педагогов, которые будут работать в дальнейшем. А также состав учеников. Школа будет создаваться поэтапно. В нее пойдут наиболее способные дети. Академия искусств — это уже третья ступень. Но база для нее должна формироваться уже сейчас. Когда у нас появится возможность открыть академию, то есть будут здание и деньги, нам не придется делать специальный отбор. Состав обучающихся и педагогов уже будет определен.

А начинаем мы все именно сейчас? Потому что близится юбилей Майи Михайловны Плисецкой, являющейся, как известно, президентом нашей труппы. И хотим, чтобы к 20 ноября, ее дню рождения, студия уже работала.

— В прошлом сезоне вы начали сотрудничать — и очень успешно — с "Новой оперой". Представили четыре премьеры. Все спектакли прошли с аншлагами. Как вы с Колобовым нашли общий язык? Трудно ли было?

— Бывают ситуации, когда люди общий язык не ищут. Они находятся как бы на одной эмоциональной волне и как-то моментально понимают друг друга. Просто нравятся друг другу в творческом плане. Когда мы с ним встретились, было ощущение, будто мы давно знакомы и давно делаем общие дела. Уже во время первого разговора он проявил огромный интерес к тому, что мы делаем, ко всему, что мы ему предложили. А мне очень нравится то, что делает он. И, что важно, Колобов самостоятелен, он не пытается никому ничего доказывать. Ему сразу понравилась идея программы, которую я предложил сделать ударной — "Шехерезада", "Болеро", "Половецкие пляски". Его очень привлекло то, что в программе будут заняты и оркестр, и балет, и хор.

— Я слышала, что Колобов все-таки некоторое время присматривался к вам...

— Вполне возможно. Но все равно — нас сразу пустили в театр и сразу заключили несколько контрактов на спектакли. Конечно, он присматривался. И видел, что нам не просто нужна площадка, что ребятам очень нравится работать именно с этим коллективом. Мы работали так, как будто для нас это одна из главных площадок мира. И хотя "Жизель" и "Шелкунчик" являлись другими спектаклями — Болонькино и Самойлов. Колобов после репетиций приходил и что-то подкашивал оркестру. Это было очень приятно.

Сейчас мы уже строим совместные планы на следующий сезон. В конце года мы планируем премьеру балета "Сильфиды". В марте у "Новой оперы" 10-летний юбилей. У них есть очень интересные идеи, как давать этот вечер. Мы будем участвовать в праздновании.

— Как вы оцениваете ситуацию в российском балете в целом? Есть ли какая-либо своя, особен-

ная ниша у вашего коллектива? — Мне нравится, что появилось много негосударственных компаний, которые очень активно работают. Нравится, что развиваются Пермь (там есть Пандилов) и Екатеринбург — там есть "Провинциальные танды".

Есть другие небольшие труппы, которые хотят что-то делать, идут какие-то новые направления. Причем собираются фанаты этого дела. В результате получаются очень интересные вещи. Хотя экономическая ситуация в стране такова, что более или менее нормально развиваться могут только государственные театры. Ведь если не давать дотации, не снимать налоги с этих маленьких негосударственных коллективов — все погибнет. Им нужно дать возможность работать — обеспечить хоть какими-то льготами, хотя бы предоставить льготное налогообложение.

Что касается нашего коллектива, то, как вы знаете, это тоже частная компания, и я пытаюсь развивать ее по той структуре, которая мне нравится. Основное — развить индивидуальность артистов, собрать их в одно целое, чтобы они работали на одно общее дело. Не каждый сам на себя, как привыкли работать артисты в государственном театре, а на какую-то общую концепцию, общую идею. Как одна футбольная команда. Мы это можем сделать. В государственных театрах, как правило, принято держать в неведении артистов до последнего дня, когда будет очередная поездка, и все ходит в страхе — не дай Бог что-нибудь скажут и т.д. Я это категорически исключаю — страх, рабепение... В моей компании все знают, когда будут выезды, когда будут спектакли, кто будет танцевать. И работа идет так: все могут пробовать репертуар и танцевать то, что хотят. Пожалуй, это — зал свободы, и я готов, и другие репертуары готовы.

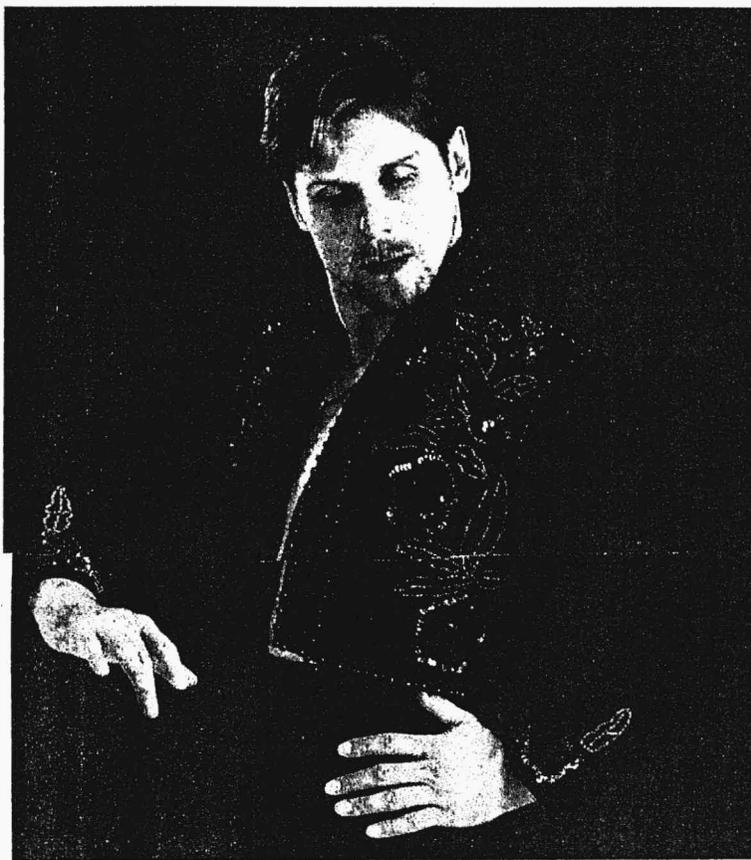
Ну и, наверное, большое значение имеет атмосфера, которая создается в коллективе. Я все время стараюсь приучить ребят к мысли, что это наш дом.

— Вы делаете прежде всего романтичные, радостные спектакли. Это ваша творческая концепция?

— Я всегда хотел делать такие спектакли. Считаю, что дать зрителю возможность получить положительные эмоции важнее, чем "нагрузить" драматургию. У нас и так в жизни российской столько же нагрузки. Мы все драматизируем, даже классический танец — движение, нагрузку. По моему мнению, все должно быть чуть легче. Мне очень нравится легкость изобразить в своих спектаклях. Хотя у меня есть тяга и к серьезным в драматургической структуре спектаклям.

— Что было самым трудным за время существования вашего коллектива?

— Ок... Самым трудным было убедить артистов в том, что деньги главное. Воспитать в них сознание, что это наше дело, наш дом. Без этого нет смысла давать артисту на публику. Невозможно работать и ездить так, как это делаем мы. Мы "Шелкунчик", например, поставили в коридоре. В ко-ри-до-ре! У нас не было балетного зала, просто не было возможности его снять. Сейчас

Г.Таранда

сами не можем понять, как могли такое сделать. Но ведь смогли!

— Самое радостное, как я понимаю, — это видеть, как ваши ребята профессионально растут?

— Это очень приятно. Я такой кайф получаю! Когда смотришь спектакль, часто расстраиваешься — все очень далеко от того, чего бы хотелось. Вообще для меня самая большая радость — это репетиционный процесс.

— Как вы подбираете кадры? — Кого-то нахожу я, кто-то приходит сам. С 1996 года стал формироваться костяк труппы. В основном это уже опытные ребята. Потому что мы вынуждены работать очень быстро, жестко, и мне нужны профессионалы, которые уже прошли закалку в боях. Но в последние два года я стал брать молодых, только что из школы. Два года назад по-пробовал впервые взять двоих — это Маша Дунаева и Настя Бондарева. Они очень быстро вошли в труппу, поняли, что и как надо делать. Главное — у них колоссальное желание работать. В этом году я вновь взял молодых. В том числе Сашу Ратушскую — очень талантливая девочка, думаю, через год она будет уже известной балериной. В прошлом сезоне мы много ездили по городам России и сейчас получаем много звонков — из Маринки, из Йошкар-Олы, Воронежа. Многие хотят прийти, провериться. Но, к сожалению, взять всех, кого хотелось бы, я не могу.

— Что является главным критерием при отборе? — Главным критерием является человеческий фактор. Нравится

человек или нет. Конечно, первое впечатление может быть обманчиво, но тем не менее. После этого уже смотришь на профессиональные данные.

— Вы довольны теми артистами, кто работает у вас в настоящее время?

— У меня есть замечательные ребята, которые уже танцуют с такой отдачей, какая мне необходима. В этом сезоне я поставил "Жизель", потому что мои балерины Ира Сурнева и Ольга Павлова, лауреаты международных конкурсов, уже достигли того уровня мастерства, который необходим для исполнения этой партии, являющейся высочайшей ступенью для балерины.

До прихода Иры Сурневой была одна звезда, которую я воспитал, выросил в своем коллективе, — Оля Павлова. И на самом деле все, что ее видел, кто с ней работал, отмечают ее потрясающий рост.

Ирина Сурнева пришла из Театра Станиславского. Я уже знал ее к тому времени. Два года назад они с Костей Соиним приехали на конкурс Плисецкой, и я предложил им: "Если захотите, приходите ко мне". Меня тогда удивило, что на конкурс артисты с таким потенциалом, как у них, приехали совершенно одни, по собственной инициативе. Я был поражен безразличием театров к своим артистам. А они, со своей стороны, были поражены тем, как приехали наши: со своими пиджаками, с массажистами, одеждой с ног до головы и т.д. — "родители" привезли своих детей".

Потом спустя время Ирина по-звонила и сказала, что хотела бы у

меня работать. Теперь она одна из ведущих прим — балерина высочайшего класса, обладающая феноменальными физическими данными. Бесконечная выносливость, колоссальный прыжок — больше мужского.

Сейчас я могу смело браться за постановку "Трех сестер", о которой давно мечтал. Потому что у меня есть исполнительницы: Сурнева, Павлова, Лена Смольцова, Саша Ратушская, Ира Тагаева.

А мальчишки! Вот Артем Михайлов растет, как гриб под деревом. У него нет диплома, он не имеет классического образования, но он везде танцует сольные партии.

— А как вы его нашли?

— Он закончил Моисевскую школу, в свое время все народные коллективы Москвы сложили о нем легенды. Я искал акробата для номера "Канкан-сиорриет". И мой друг, хореограф, показал мне Тему. Очень яркая точка зрения классической школы, но очень артистичный парень. Я вел его в "Канкан". Он оказался очень танцевальным и музыкальным. И я пригласил его в труппу. Мы сделали специально для него номер — "Топ-так". И Евгений Зернов — самый известный исполнитель этого номера, — посмотрев его, сказал: "Я танцевал это здорово, но твой парень танцует лучше всех". Потом сделал для него еще несколько фольклорных номеров с парнем в акробатику. Но надо же уметь развивать! И я постепенно стал приучать его к мысли, что он может танцевать характерные роли с классическим уклоном. Он в это не очень верил, но

постепенно я все-таки заразил его этой идеей, он смог преодолеть сомнения и стал активно заниматься классикой. Он добился за год таких колоссальных успехов, что многие просто не могут поверить. А то, что он сделал в "Половецких плясках", просто выше всяческих похвал. То есть мне удалось помочь ребятам развить определенные рамки их амплитуд, реализовать себя в чем-то новом. Именно на этом и будет строиться обучение в студии, в академии. Важно с самого начала не закладывать комплексы, сводить ограничения, связанные с узкой специализацией.

Сейчас я анал молодых ребят, приехавших с Украины, — Володу Чумаченко и Володу Шмелевского. Они тоже не имеют специального образования, закончили техникумы. Но у них есть данные и огромное желание танцевать.

К сожалению, работаем в условиях, когда чаще, чем хотелось бы, приходится обновлять кадры. Моих солистов часто приглашают работать по контракту за границу. Я не могу этому препятствовать, так как, во-первых, не хочу ломать их индивидуальность, а во-вторых, понимаю, что не могу здесь предоставлять им такие возможности зарабатывать, какие они получают там. Вот сейчас уехал Костя Соин. Конечно, мне без него трудно.

Но я стараюсь максимально раскручивать своих ребят. Недавно мы сняли фильм, который скоро будет показан по телевидению. У нас уже есть своя публика, что очень важно. Я приложу все усилия для того, чтобы мои артисты получили звания. Для меня неважно, есть у меня звание или нет. А для них это очень серьезно. Они должны осознавать свою принадлежность стране.

— Вы будете режиссером-постановщиком юбилейного вечера Майи Плисецкой. Какие сюрпризы вы готовите?

— Программе будет строгая в соответствии с пожеланиями Майи Михайловны. В первом отделении выступят лауреаты конкурсов Плисецкой. Второе отделение — балет "Кармен" в исполнении труппы, приглашенной из Лисса. И в третьем — концерт звезд мировой величины.

— А Имперский Русский балет готовит что-нибудь особенное к юбилею своего президента?

— Я считаю, что самым главным все-таки является создание условий для того, чтобы Майя Михайловна могла здесь работать. Мы приглашаем в Киев, Петербург. Каждый год мы ездим туда с программами, в которых Плисецкая участвует. И это очень ее радует. Она понимает, что принимает участие в развитии российского балета. Но этого мало. Я очень хочу восстановить конкурс Плисецкой, от проведения которого она отказалась, когда правительство не выделяло обещанных денег на премии лауреатам и ей пришлось распродавать самой и брать деньги у тех, кто вызвался помочь. Такие люди, к счастью, нашлись.

А нашим основным подарком будет как раз студия. Конечно, наше правительство, городские власти что-нибудь подарят. Орден почетной и т.д. Но это не так важно для человека с таким именем. Важно, чтобы ее знали наши дети, внуки. Чтобы они могли с гордостью говорить, что учились в школе Плисецкой. Очень надеюсь на поддержку со стороны властей и просто людей, которые имеют возможность помочь реализовать этому проекту.